

1

Сегодня утром Рут уже дважды поднималась наверх, чтобы разбудить Иоганну, и всякий раз та что-то ворчала в ответ, отчего можно было предположить, что сестра действительно встанет. «И почему я только верю в это?» — с раздражением думала Рут, в третий раз за утро поднимаясь по узкой лестнице, соединявшей кухню и мастерскую с верхним этажом. Ее преследовал запах топленого сала. У слухового окна она встала на цыпочки и поглядела на улицу, откуда доносилось пение Мари. Окно было затянуто паутиной. Даже не взглянув на нее, Рут смахнула паутину рукой. Мари нигде не было видно, впрочем, как и отца. Рут поморщилась. К тому времени как кто-то из них наконец заметит, что на кухне пахнет жареным, картофель и кусочки сала превратятся в уголья!

Пытаясь разбудить Иоганну в прошлый раз, она оставила дверь их общей с сестрами спальни открытой. Поэтому Рут еще с лестницы увидела, что Иоганна до сих пор не встала. Рут молча подошла к кровати, схватила тканое одеяло за уголок и вырвала его из рук Иоганны.

— Да зачем же укрываться в такую жару?

Качая головой, она смотрела на сестру, которая, кажется, наконец-то начала просыпаться. Рут подошла к окну и толкнула обе ставни. Комнату тут же залило яркое сентябрьское солнце, в лучах которого плясала пыль.

Словно страдающая ревматизмом старуха, Иоганна со стоном спустила ноги на пол — большего добиться от нее не удалось.

Бросив на сестру пристальный взгляд, Рут поспешила вниз по лестнице в надежде спасти завтрак. Помешав на сковороде картофель с кусочками сала, она возблагодарила Господа Бога за то, что любит рано вставать.

А вот Иоганна с самого детства просыпалась с трудом. Как часто сестры из-за нее опаздывали на занятия в деревенскую школу! И дело было не только в том, что Иоганна долго вставала

с постели, — она обычно не могла прийти в себя часов до десяти утра, когда наконец-то становилась нормальным человеком.

«Как будто вечером я выпила полбутылки водки», — так Иоганна пыталась объяснить свое состояние, хотя ни она, ни Рут еще никогда столько не пили и поэтому не знали, каково бывает после этого. Приходилось учитывать эту особенность Иоганны и распределять обязанности по дому таким образом, чтобы Иоганне ничего не нужно было делать утром. Однако Рут порой задавалась вопросом, помогают ли ей сестры вообще? Будь мама жива... наверное, Иоганна так не выкаблучивалась бы! Анна Штайнманн во многом была более непреклонной, чем ее муж. Осознав, что не может представить себе лицо матери даже на миг, Рут испугалась. Десять лет — это долгий срок.

Вода, которую она поставила на плиту, чтобы сварить утренний кофе, уже забулькала крупными пузырями, что заставило Рут отвлечься от воспоминаний. Девушка поспешно убрала котелок. Корни цикория, опущенные в холодную воду, не должны были свариться, иначе напиток слишком быстро станет горьким. Нужно лишь довести воду до кипения. В этом отношении Рут была ужасно педантичной: от «кофе», который обычно готовили в деревне из толченой сушеной свеклы, она бы с радостью отказалась. Уж лучше пить воду, чем это варево. Разумеется, больше всего ей нравился настоящий зерновой кофе, который, по ее мнению, бывал в доме слишком редко. Каждую пятницу, когда Иоганна ездила в Зоннеберг продавать стеклянные изделия, изготовленные в течение минувшей недели, она покупала немного натурального кофе в зернах. Хотя самому Йоосту Штайнманну было безразлично, какой кофе стоит у него на столе, лишь бы тот был черным и горячим, он разрешал своим дочерям немного побаловаться этим напитком. Поэтому они всякий раз праздновали возвращение Иоганны из Зоннеберга, угощаясь кофе, сладким хлебом и свежей маринованной сельдью, которую она тоже привозила из города.

И как раз подобным семейным ритуалам, дававшим пищу для деревенских сплетен, Йоост Штайнманн был обязан славой подкаблучника. При этом дочери Йооста вовсе не могли делать все, что им заблагорассудится. В четырех стенах своего дома они

действительно пользовались большей свободой, нежели другие девушки их возраста. Однако, когда речь заходила о том, чтобы уберечь дочерей от мнимого зла, Йоост становился хуже всякой наседки. Петь в хоре? Невозможно! А вдруг на обратном пути их подкараулят злые парни? Пойти на праздник летнего солнцестояния? Можно даже не просить. Когда несколько лет назад некоторые девушки стали устраивать посиделки, он не разрешил дочерям посещать даже эти безобидные мероприятия.

— Чего доброго, на обратном пути ноги себе переломаете! — пояснял он свой отказ и добавлял: — Сидите лучше дома и учитесь читать-писать.

Как будто книги могли заменить веселую болтовню! Рут судорожно сглотнула. В ноябре все начнется заново. Другие девушки будут два вечера в неделю встречаться у кого-нибудь и прятать вместе, а ей и сестрам придется сидеть дома. После посиделок затеют игру в снежки во дворе, девушки, смеясь и визжа от восторга, бросятся убежать от ребят по улицам, в то время как Иоганна, Мари и Рут будут лежать в своих постелях.

Неудивительно, что молодые парни в деревне поговаривали, мол, Йоост не хочет, чтобы кто-нибудь ухаживал за его дочерьми. Под его недовольным взглядом юноши начинали чувствовать себя не в своей тарелке и больше не пытались звать девушек на прогулку.

Рут обошла стол и опустила руку в ящик, чтобы достать небольшое зеркальце, которое туда положила. Держа его в вытянутой руке, она могла увидеть в нем свое лицо целиком, хоть оно и казалось маленьким. Она была красавицей и знала об этом. Сестры унаследовали от матери правильные черты лица, а та была совершенно неотразимой женщиной.

Расстроившись, Рут опустила зеркальце. Пусть даже она довольна тем, что видит в зеркале, — какой от этого прок? Неужели ее когда-нибудь поцелует мужчина? Скажет ли ей кто-нибудь, что глаза у нее сверкают, словно темные камни янтаря? Или что кожа у нее чистая, словно весеннее утро? Дай Йоосту волю, он их всех оставит в девках!

Единственным мужчиной, регулярно приходившим в их дом, был сосед Петер Майенбаум. С тех пор как несколько лет назад

один за другим погибли его родители, Йоост стал считать его едва ли не сыном, однако в качестве потенциального жениха никогда не рассматривал. Ха! Как бы не так! Рут была практически уверена, что Петер уже давно положил глаз на Иоганну. Еще бы, он всегда на нее так смотрит! Однако, судя по всему, никто, кроме нее, этого не замечал, и меньше всех — Иоганна. Рут глубоко вздохнула. Если бы мужчина так посмотрел на нее — она уж точно это заметила бы!

— Иоганна опять носится, словно собака без хвоста! Стоит ей проснуться, как она не может перестать командовать! Каждый день одно и то же! — с этими словами Мари грациозно опустилась на скамью, стоявшую в углу.

Она была так стройна, что ей не пришлось для этого отодвигать стол, как с завистью отметила Рут. Все три сестры были стройными, в отличие от многих деревенских баб, имевших бесформенную фигуру, обвисшую грудь и дряблые жирные складки на боках. Каждая могла благодарить Господа за идеальные пропорции тела, гладкую здоровую кожу и блестящие шелковистые каштановые волосы, не требовавшие специального ухода помимо ежедневного расчесывания по сто раз. Но Мари была самой миниатюрной, тонкой и хрупкой, словно драгоценная статуэтка.

— Как бы там ни было, она уже спустилась. Я уже начала опасаться, что придется снова подниматься на верхний этаж, — сухо произнесла Рут.

После смерти матери они привыкли мыться в одном из прилегающих к дому сараев, там же они и стирали. Даже Йоост совершал утренний туалет на улице, вместо того чтобы мыться в кухне. У всех оставалось личное пространство, что было немаловажно как для девушек, так и для самого Йооста.

— Кстати, куда отец подевался?

— Не знаю. Вчера вечером он засиделся дольше обычного. Он так громко топал по лестнице, что я проснулась и потом долго не могла уснуть! — поморщилась Мари. — Надеюсь, он не мается с похмелья?

Рут пожала плечами.

— Не так уж много он пьет, — словно извиняясь за отца, произнесла она.

При этом Йоост действительно не нуждался в оправданиях. Хотя он каждый вечер заглядывал на пару часов в трактир «Черный орел», однако, в отличие от других деревенских мужчин, ему редко случалось хватить лишку.

Тем временем картофель на сковороде покрылся толстой коричневой корочкой. Рут взяла кусочек и быстро положила в рот. Горячий! Она налила себе и Мари по чашке кофе. Пряный запах напитка было особенно приятно вдыхать этим солнечным утром. Такие теплые дни называли бабьим летом — вроде бы и не осень, но уже и не лето. Не хватало только, чтобы птицы, рассеявшиеся на большой груше возле кухонного окна, устроили концерт. Лишь изредка слышалось чирикание черного дрозда или звонкий свист жаворонка. Но осенние туманы вот-вот поглотят и эти звуки. Рут вновь принялась к кофейному аромату. Она ненавидела холодное время года.

— Совсем скоро снова придется зажигать свет по утрам, — произнесла Мари, словно подумала о том же.

Часто бывало, что одна из сестер произносила вслух то, о чем думала другая.

Да, после смерти Анны Штайнманн они обо всем договорились — о том, что касалось совместной жизни, да и работы тоже. Конечно же, всегда не хватало еще одной пары рук. Но, как бы ни злословили другие деревенские стеклодувы, производство Штайнманнов, которым «заправляли бабы», было не хуже других. Они изготавливали первоклассные колбы и пробирки для аптекарей. То, что Штайнманны сами производили свою продукцию от начала и до конца, не отдавали в чужие руки ни одной операции — ни шлифовку пробок, ни нанесение надписей, ни упаковку колб, — давало им заметное преимущество. Как и другие стеклодувы, они продавали все свои товары скупщику в расположенном неподалеку городке Зоннеберге. Фридрих Штробель, сумевший создать для своего предприятия лучшие связи во всем мире, всегда говорил, что готов покупать у Штайнманнов еще больше стеклянных изделий. Но, поскольку в доме был только один стеклодув, производить больше они не могли.